

ВВЕДЕНИЕ

Идея этой книги возникла в связи с осмыслением другой, имеющей большое значение для развития методологии современной науки вообще и экономической теории в частности. В 1998 г. вышла в свет книга академика Н.Н. Моисеева «Расставание с простотой», что, несомненно, стало событием огромной важности в развитии современной гносеологии. В ней известный ученый объяснял, почему необходим переход от упрощенной концепции и очевидности мироустройства, господствовавшей в естествознании XVI—XIX вв., к концепции, воссоздающей картину мира во всей его сложности и невероятности очевидного, несоответствия реальности и противоречия многих наблюдаемых в природе и обществе эффектов здравому смыслу.

В реализованном на страницах этого издания проекте с благодарностью продолжена и расширена тема, начатая Н.Н. Моисеевым, призвавшим отойти от упрощенного понимания современного мира, обратить внимание на неизбежную интеграцию различных наук в осмыслении сложных процессов коэволюции природы и общества. Он признавал, что «классический рационализм и идеи редукционизма, сводящие изучение сложных систем к анализу отдельных ее составляющих и структуры их взаимодействий, ознаменовали собой важнейший этап в истории не только науки, но и цивилизации» (Моисеев, 1998, с. 35).

Однако применение принципа простоты в методологии современной науки несводимо к упрощенному пониманию сложных явлений и процессов, свойственных эпохам средневековья, возрождения и просвещения. Что же стало тормозить

развитие науки? «Это — убежденность в простоте окружающего мира: он прост по существу — такова реальность, а любая сложность от лукавого. Или от нашего неумения связать наблюдаемое в простую схему. Как это делать показали и Ньютон, и Коперник: надо просто уметь видеть простоту законов управляющих миром» (Моисеев, 1998, с. 39). Незрелость системного подхода, диалектического мышления вводили в заблуждение о простоте лучшие умы человечества. «И ученым казалось, что реальность именно такова: повседневная практика непрерывно подтверждала эту зримую простоту» (Моисеев, 1998, с. 39).

Н.Н. Моисеевым вновь поставлена задача на основе созидательного разрушения и конструктивной преемственности перейти к формированию нового качества научного метода познания посредством переосмысления отношения простого и сложного в конструировании теоретической картины мира. Такое «возвращение к простоте» в XX в. на новом уровне понимания ее значения для гносеологии уже предпринималось (см.: Bunge, 1963; Goodmen, 1958; Goodmen, 1955; Feuer, 1957; Sober, 1975; Мамчур, Овчинников, Уемов, 1989; и др.). На современном этапе реализация принципа простоты вновь наблюдается в теоретическом (Луман, 2005) и практическом планах (Траут, Ривкин, 2005). Но методологические проблемы исследования диалектики простого, сложного и нормального в рамках предметов общественных наук далеко не исчерпаны и нуждаются в новом «возвращении к простоте».

Авторы представленной книги попытались показать, что простое есть неизбежная основа сложного во многих сферах жизни общества, что принцип простоты лежит в основе строения сложных систем, что его применение позволяет понять их генезис, структуру и функционирование, осмыслить их эволюцию и особенности на современном этапе развития человечества. Сложность постижения простого разрешается наукой и практикой. Упрощенчество — не научный путь создания картины мира. Упрощение возможно использовать как прием в построении различных моделей и схем действительности. Но и такое упрощение требует соблюдения принципа научной простоты, который дей-

ствуует только в ограниченных пространственно-временных рамках.

Принцип простоты не сводим к редукционизму и упрощенчеству. «Когда употребляют слово “редукционизм”, то имеют в виду также и попытки заменить исследование реального сложного явления некоторой его сильно упрощенной моделью, его наглядной интерпретацией. Построение такой модели — достаточно простой для изучения ее свойств и одновременно отражающей определенные и важные для исследования реальности — всегда является искусством, изобретением. Схема явления, изобретенная исследователем, его интерпретация изучаемой реальности чем-то напоминает одностороннее освещение предмета: выбрав нужный ракурс освещения, исследователь может по форме тени воспроизвести (понять!) многие особенности оригинала. Наука знает тому удивительные примеры» (Моисеев, 1998, с. 34).

Истинная простота находится всегда в результате внутренне диалектического исследования. Научный метод исследования экономики и общества в целом всегда включает три основных циклических движения мышления, постоянно возобновляющихся на каждом новом уровне познания:

1) от простого внешнего представления о явлениях к пониманию их внутренней сложности и от этого сложного представления к вновь обретенному простому как основе явления;

2) от конкретного, данного в ощущениях, к абстрактному, данному в категориальных понятиях и вновь к конкретному, раскрывающемуся в многообразии действительности;

3) от выделения частного явления во множестве других к выявлению общего принципа родственности явлений и от этого общего принципа к выяснению частных форм его проявления.

Без понимания диалектики связи и взаимного перехода сложного и простого, без описания их эволюции невозможно понять развитие мира, как в природной сфере — природе, так и в социальной сфере — культуре.

Сложный нелинейный процесс эволюции реально рождает потребность осмысления его простых моментов. Предельный пункт исследования природных и общественных систем — их простые элементы, которые определяют видовую специфику са-

мых сложных образований. Все научные типологии и классификации основаны на декомпозиции сложного феномена по выявленным простым признакам. Целостное представление о мире предполагает также синтез простых элементов в сложные системные композиции. Поэтому имеет смысл с позиции методологии системного подхода встретиться с простотой вновь, на новом рубеже познания и составления научной картины современного мира. Особенно это важно для изучения общества и хозяйства в глобальном процессе их эволюции на современном этапе, в котором без осмысления его простых основ не только не понять его сути и всей сложности, но невозможно разработать эффективные политические и практические решения актуальных проблем.

Поэтому данная книга посвящена многосторонним аспектам исследования общественно-экономического строя с позиции разных гуманитарных наук. Идея реализуемого в ней проекта была поддержана руководством Отделения общественных наук и секции экономики РАН, научным сообществом ученых-обществоведов России. Было осознано, что новая «встреча с простотой» возможна и нужна, поскольку неверное понимание простоты ведет к искаженному представлению о сложности. «Создание миров начинается с одной версии и заканчивается другой» (Гудмен, 2001, с. 212). Неверное конструирование сложных миров, как результат гносеологических ошибок, ведет к заблуждениям в теории и практике, чревато огромными издержками для общества и природы.

Принцип простоты, согласно которому при прочих равных условиях предпочтительна наиболее простая познавательная конструкция (теория, гипотеза, концепция, программа и т. д.), допускает различные интерпретации в рамках предметов и подходов различных наук. Представляется возможным выделить эвристическую, гносеологическую, прогностическую, прагматическую и другие интерпретации данного принципа для экономической теории.

Прагматическая интерпретация рассматривает принцип простоты как выражение естественного стремления к минимизации усилий для достижения желаемого практического ре-

зультата любой деятельности. Однако чрезмерность прагматической интерпретации, характерная для различных версий «экономикса», часто доводит упрощение объекта и предмета экономической теории до вульгарной трактовки.

В гносеологии принцип простоты выступает как требование «экономии мышления». Простота в изначальном смысле содержит в себе экономический элемент, отражая принцип эффективности действия за счет экономии затрат при получении желаемого фиксированного результата. Принцип простоты применяется при разработке и минимизации исходных аксиом экономической теории, правил вывода ее теорем, при упрощении научных текстов, с сохранением их смыслов и информации, взаимодействует с принципами симметрии и дополнительности (см.: Порус, 2000, с. 369).

Эвристическое содержание принципа простоты в экономической теории выражается в различных и несводимых друг к другу требованиях: обобщения или схематизации опытных данных; использования аналогий или адекватного математического аппарата и формализации структуры теорий; выбора наиболее простой теоретической схемы объяснения или предсказания и прогнозирования и т. п. Как эвристический прием данный принцип применим не только к структурным компонентам экономической теории, но и к выбору применяемого в ней математического аппарата, что неоднократно подчеркивалось В. Леонтьевым, М. Алле, В.И. Маевским и др. Именно поэтому вводятся ограничения на введение в экономическую теорию производных высших порядков, математических моделей с огромным числом ограничений и приблизительных индикаторов, допускающих последующие уточнения и усложнения. Простота неизбежно связывается с числом независимых переменных, используемых экономической теорией при объяснении данных эмпирических наблюдений или минимизации избыточных объяснительных допущений.

В методологическом плане принцип простоты выражается через понятия, играющие ключевую роль в логических моделях структуры, функций и развития научного знания. Таков принцип У. Оккама «Не следует умножать сущности без необходимости». Предлагаются оригинальные формулировки: «Что

может быть сделано на основе меньшего числа [предположений], не следует делать, исходя из большего» или «Многообразие не следует предполагать без необходимости» (Смирнов, 2000). В эмпирической интерпретации принцип простоты связывается учеными-экономистами с легкостью фактического подтверждения, верификации или фальсификации теоретических выводов и обобщений. Но важно учитывать, что «из признания желательности простоты еще не следует, что простое есть лучшее. Может быть много разных, ведущих к простоте путей» (Миррлис, 2005, с. 164).

При выборе посылок экономической теории важен принцип их инвариантности, поскольку он позволяет связать их определенность с информативностью, позитивностью и нормативностью. Это позволяет не только расширить объяснительный потенциал и степень логической организации экономической теории, но предполагает моделирование взаимной трансформации простоты и сложности, что нашло отражение в данной книге.

Понимание «простоты» мира зависит от развития философских основ науки. Она может пониматься как возможность сведения всего мирового многообразия к фундаментальным законам и причинам (И. Ньютон, П. Лаплас) или идентифицируется с очевидностью и интуитивностью (И. Кант, А. Пуанкаре), что в конечном итоге оказывается ошибочным. Такие заблуждения возникают вследствие недостаточно глубокого изучения действительности конкретными науками, чувственного отождествления простого и сложного, а также при преднамеренном искажении систем общественных отношений и действий, обличении и лицемерии.

Ярким примером может служить рассуждение М.Е. Салтыкова-Щедрина о современной ему российской действительности, долго сохранявшей пороки феодально-монархической системы. В России, по словам иностранца, «процесс, посредством коего управляется здешний народ столь прост, что не требует со стороны администратора ни высокого ума, ни познаний», а «люди, по приказанию, делались и портными, и сапожниками, и музыкантами. Почему делались? — а потому, очевидно, что требовались только *простые* сапоги, *простое*

платье, *простая* музыка, то есть такие именно вещи, для выполнения которых совершенно достаточно двух элементов: приказа и готовности... Таким образом оказывается, что, как ни велика наша талантливость, все-таки она может считаться действительной лишь до тех пор, пока существует беспредметность профессий или, говоря другими словами, покуда можно все сапоги шить на одну ногу (курсив. — Авт.)» (Салтыков-Щедрин, 1988, с. 70—72).

В противовес упрощенной практике и наивной интерпретации мира Н.Н. Моисеев пришел к выводу: «Таким образом, “расставание с простотой” — это уже навсегда! Будут появляться, разумеется, новые схемы, новые классификации, которые станут упрощать предыдущие, делать более стройными и логичными наше видение мира и лавины опытных данных. Они эти новые схемы, станут превращать их в систему, подобную менделеевской. Но все это уже частности, ибо понято главное: мир действительно сложен и лежит за пределом наглядности» (Моисеев, 1998, с. 42).

Только бы не впасть в новую болезнь: видеть сложное без его простых оснований. Все же не стоит забывать об искусственном усложнении, которым часто страдают не только научно-образные концепции, но и практические действия людей, способности их общения и принятия решений. Простое, стремясь к сложности рождает свои парадоксы, которые были отмечены многие века назад. Необоснованная сложность неуклюжа и смешна, потому что путь ее композиции выбран неверно, не в соответствии с внутренними законами создания действительных миров.

В связи с этим удивительно замечание придворной дамы Сэй Сенагон, служившей в X веке при японской императрице Садако, которое она сделала в своем дневнике: «Простолюдины любят прибавлять к словам лишние слоги» (Сенагон, 2001, с. 15). В рамках освещаемой темы оно приобретает статус научной задачи для современного исследователя — филолога, психолога или социолога.

Действительно, как часто мы сталкиваемся с этим в реальной жизни и ее художественном отражении в классической и современной литературе. По этим элементам речи мы легко и

сразу определяем уровень простоты героя или собеседника. Добавления «лишних» слогов происходит как внутри слов в виде дополнительных префиксов и суффиксов, так и в конце — в виде различных частиц.

В одном случае наблюдаются часто приставки чрезмерного уточнения или незавершенности (*недо-*, *недопере-*, *недоис-* и т. п.). Всплывает в памяти пресловутое «недоперевыполнение плана» из практики социалистической экономики в СССР. Излишне применяются приставки для выражения превосходной степени явления или действия (*пре-*, *наи-* и т. п.) совместно с суффиксами (*-ней*, *-ай* и т. п.) превосходной формы прилагательных. Довольно часто употребляются и уменьшительные суффиксы (*ечк-*, *очк-*, *чи-* и т. п.). Как, например, «два кусочка колбаски», которые лежали на столе... В другом случае добавляются в конце слов частицы: *-таки*, *-же*, *-с*, *-то*, *-та* и др. При потере выразительного потенциала речи в современных условиях к обычным словам иногда добавляются новые устойчивые «паразиты» типа: *такой (-ая)*, *как бы* и др. Кто «как бы» живет, тот это «как бы» выражает.

Все эти добавления вызваны стремлением простых людей быть значительными или придавать особую значимость действия и вещам в простой среде. С помощью таких речевых инструментов они хотят оторваться от предельно простого состояния, своего крайнего статуса, стать выше, лучше, интереснее и важнее. Подсознательно они стремятся сделать свою жизнь и общение сложнее и полнее. И когда мы слышим подобные добавления, произносимые почти в каждом слове, то фиксируем неизбежное стремление простоты к сложности. Благодаря этому бесхитроственному усложнению проявляется стремление простых людей повысить ранг своей социальной сложности, приобрести больший вес в обществе, быть значительнее, мобильнее и свободнее в пространстве своей жизни.

Теперь, под воздействием процессов социально-экономических трансформаций, модернизации глобализации перед человечеством открываются и теряются перспективы, возникают и преодолеваются препятствия. Сложность мира предстает по-новому, поиск простоты и нормы становится масштабнее и интереснее. «Может быть, более точно: мысль человека, теряя

простоту привычных горизонтов, получает больше простора. Запретов на то, “что этого не может быть”, становится меньше. Но зато исследователю приходится задумываться над смыслом тех понятий, которые до сих пор казались ему очевидными» (Моисеев, 1998, с. 42). Самое же трудное, что предстоит исследователю-новатору, когда теория выходит на магистраль эволюционной методологии — это подняться до новой простоты сути, принципа или закона при осознании всеобщего как основы осмысления сложности, многогранно являющейся ему жизни. Бесспорно, «теория такой простоты важна, но она малоразвита. Это связано с тем, что слишком мало людей работает над развитием этой теории вследствие ее сложности» (Мамчур, Овчинников, Уемов, 1989, с. 148).

Проблемы соотношения простого и сложного весьма многообразны и связаны между собой во всех аспектах человеческого бытия объективно и субъективно. Способы создания миров различны: формальные и вербальные, изобразительные и звуковые, образные и символические... Миры живут одновременно в словах, формулах, знаках, числах, видениях... Эта сложная актуальная информация постоянно становится объектом расшифровки как исследователей, так и читателей этой книги. «Читатель вправе будет спросить нас: где доказательства того, что именно те оценки простого — сложного, которые предлагают авторы, являются объективными в отличие от оценок читателя? Разве авторы имеют возможность посмотреть на мир со стороны, минуя свои субъективные восприятия?» (Мамчур, Овчинников, Уемов, 1989, с. 77). Именно возможность нового восприятия и привлекла к написанию совместной книги о сложной простоте представителей экономики, философии, математики, культурологии, социологии, филологии, истории и правоведения в надежде на взаимное обогащение своих знаний и в поиске системного видения реального мира.

Книга подготовлена авторским коллективом в составе: руководитель проекта д. э. н. О.В. Иншаков (введение, главы 1, 16, 17), акад. РАН В.И. Маевский (глава 2), чл.-кор. РАН Г.Б. Клейнер (глава 4), д. фил. н. Т.Н. Астафурова (глава 13), д. с. н. И.В. Василенко (глава 22), д. ф.-м. н. А.А. Воронин (глава 3), д. э. н. В.Н. Дейнега (глава 9), д. э. н. Б.А. Ерзнкян (глава 10), д. э. н. А.А. Ермо-

ленко (глава 9), д. фил. н. В.И. Карасик (глава 11), д. э. н. Р.М. Качалов (глава 6), д. ф. н. Г.П. Кибасова (глава 21), д. с. н. С.Г. Кирдина (глава 5), д. э. н. Н.Н. Лебедева (глава 7), д. э. н. М.Ф. Мизинцева (глава 24), д. э. н. В.О. Мосейко (глава 8), д. фил. н. А.В. Олянич (главы 12, 13), д. ф. н. Н.В. Омельченко (глава 18), д. ф. н. И.А. Петрова (глава 21), д. ф. н. О.И. Сгибнева (глава 19), д. ф. н. С.Б. Токарева (глава 20), д. фил. н. Н.А. Тупикова (глава 15), д. фил. н. Н.Л. Шамне (глава 14), к. фил. н. Т.В. Максимова (глава 12), к. ю. н. М.Н. Козюк (глава 23), к. ф. н. А.В. Конева (глава 25), к. э. н. Д.П. Фролов (главы 6, 16, 17, 26), А.Н. Шовгенин (глава 14).

Литература

Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс: Логос: Праксис, 2001.

Луман Н. Эволюция. М.: Издательство «Логос», 2005.

Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И. Принцип простоты и меры сложности. М.: Наука, 1989.

Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: «Аграф», 1998. С. 35.

Порус В.Н. Простоты принцип // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2000. С. 369—370.

Салтыков-Щедрин М.Е. Господа ташкентцы. Картины нравов / Собр. соч.: В 10 т. Т. III. М.: Издательство «Правда», 1988.

Сенагон С. Записки у изголовья. М.: «ЯникО», 2001.

Смирнов Г.А. Оккам / Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2000. С. 142—144.

Траут Дж., Ривкин С. Сила простоты: руководство по успешным бизнес-стратегиям. СПб.: Питер, 2005.

Bunge M. Myth of Simplicity. N. Y., 1963.

Goodmen N. The test of Simplicity // Science. 1958. 31 Oct. Vol. 128. Number 3331.

Goodmen N. Axiomatic measurement of Simplicity // Journ. of Philos. Vol. LII. № 24 (1955).

Feuer L. The principle of Simplicity // Philosophy of Science. 1957. Vol. 24. № 2.

Sober E. Simplicity. Oxford, 1975.

РАЗДЕЛ I

**ПРОСТОЕ
В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕ**

Глава 1

**ПРИНЦИП ПРОСТОТЫ В МЕТОДОЛОГИИ
ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА
К ИССЛЕДОВАНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Простота генерирует все новые загадки для представителей экономической и других гуманитарных наук, а их разгадка происходит в процессах все новых и новых исследований жизни природы и общества в русле системного эволюционного подхода. Органично присущее людям стремление к простоте как основе гармонии и красоты проявляется в современной науке особенным образом. Ученых интересует эволюционная природа этого феномена и реальное многообразие ее природных и общественных форм, которые развиваются циклически необратимо, развивая вместе с собой сложность и разнообра-